

Прикаспийская межрегиональная олимпиада школьников в
2024-2025 уч. г.
Второй тур

Шифр участника

ЛИТЕРАТУРА
10 КЛАСС

Комплексный анализ художественного текста.

Прочитайте фрагмент «Я иду по ковру» из повести Марии Ботевой «Ты идешь по ковру».

1. Определите тему произведения. Как соотносится название рассказа с темой.
2. Определите проблематику. Каким образом проявляется конфликт и какова роль структурных частей сюжета (завязки, кульминации, развязки) в раскрытии конфликта?
3. Назовите особенности хронотопа (художественное время и художественное пространство произведения).
4. Система образов в произведении.
5. Проанализируйте лексическую, морфологическую, синтаксическую организацию текста. Приведите примеры тропов (3-4 примера их текста) и определите их функцию в произведении.
6. Способ выражения авторской позиции в произведении.
7. Опишите своё эмоционально-оценочное отношение к произведению, обоснуйте свои оценки характеров героев, их поступков и переживаний, сделайте выводы.

Я иду по ковру

Идея была хорошая и опять моя. Маринка считает, правда, будто надо говорить не «опять», а «снова», всё время поправляет меня.

Зануда, а про неё так и не подумаешь, с виду.

Я сказала однажды утром:

— Вот какая штука. Повторяй за мной: «Я иду по ковру».

Она как-то неохотно повторила, конечно, с утра какая-то грустная, хоть и каникулы.

— Ты идёшь, пока врёшь, — я сказала. Вижу, Маринка повеселела немного. Думаю: ладно, пусть не повторяет, а сама продолжаю: — Мы идём, пока врём. Он идёт по коврёт.

Знаю, как можно Маринку развеселить. Я эти ковры слышала по радио, Леонид Сергеевич очень громко включает звук в своих наушниках, вот и слышно. С тех пор мы все каникулы ходили по хлипким весенним тропинкам, повторяли это всё. Проваливались в снег, выдёргивали друг друга. Вытащит меня Маринка, я стою выколупываю снег из сапога, а она смеётся. Даже странно мне это — чего смешного, когда снег в сапоги набивается? А я наклонилась и не вижу, что по улице идёт наша Санна Ванна. Она останавливается и говорит:

— Веселитесь? А рассаду сегодня снова мне поливать?

Маринка перестала смеяться. А тут я голову подняла, говорю:

— Да мы вот в школу идём как раз.

Маринка опять смеётся. И мне стало смешно. Санна Ванна только головой покачала и ушла, она с обеда, наверно, возвращалась. Вот учителям жизнь: надо в школу всегда ходить, даже в каникулы. Всё, я расхотела быть учителем, а ещё неделю назад собиралась когда-нибудь. Точно, расхотела. Пока мы дотопали до школы, все ноги в сапогах замёрзли, хоть идти-то нам всего ничего: мимо стадиона и дома культуры, потом дорогу перешли — вот и школа.

— Всё, я уже сама полила, — сказала нам Санна Ванна. — Чаю попейте, я нагрела.

Ушла куда-то, мы сидим пьём чай. Вдруг Маринка говорит:

— Тётя Катя всех покатит, перекатит, выкатит.

— Тётя Люба всех полюбит, перелюбит, вылюбит, — я продолжаю. Чай пусть немного остынет, а то очень горячий.

— А дядя Женья всех поженит, переженит, выженит! — кричит Маринка.

Тут Санна Ванна пришла и отправила нас домой. Мы наглотались горячего чаю и побежали. Даже кружки не стали споласкивать. Так и ходили в школу все каникулы. Санна Ванна перестала поливать рассаду, нас дожидалась. Нам же не трудно. В классе в ведре отстаивалась вода, мы набирали кружкой, а потом ложкой потихоньку поливали — чтобы не выбить нежные корешки.

Всю весну мы вспоминали эти ковры. И летом даже, немного покачиваясь на досках тротуара, шли и бубнили себе под нос: «Ты идёшь по коврём». Специально снимали обувь, опять и снова убедиться, что деревянный тротуар может быть не только звонким, но и гулким. Особенно если идёшь босиком и закрываешь ладонями уши. Тогда в голове у тебя происходит такое: бум-бум-бум. Только осенью бросили, а всю весну и всё лето повторяли мы эти слова, иногда спорили о том, что имелось в виду. Спорили про ковры, а про тётю Катю и дядю Женю было всё ясно. Мне нравилась больше версия о коврах и поковрах. А Маринке — о вранье. Но из-за этого мы никогда не ругались, вот ещё. Уж лучше петь, просто здорово.

Правда, у Маринки нет слуха и все песни выходят противными, но она поёт всё равно. Если мы поём на стадионе или на остановке, прохожие побыстрее пробегают мимо нас, я заметила. Однажды мы сидели на рукоходе^[1], и мой сосед, беззубый дядя Фима, не стал ускоряться, а остановился, чтобы послушать наши дикие песни — это мама их так называет: что вижу, то пою. Вот Маринка и пела:

— Мы на рукохо-оде-е! Дед Ефим идёт! Ведро своё-о несё-ёт! Ведро си-и, си-и, си-ине-е-е!

Он слушал-слушал, а потом говорит: «Марин, ты бы не пела». И посмотрел на неё как-то непривычно. Жалостливо, что ли. Хорошо ещё, не сказал, будто Маринка нарушает мировую гармонию, он может. Она и без того засмуцалась, а это трудно — смутить мою подругу.

— Mam, почему он такой? — иногда я спрашиваю про Ефима. Каждый раз этот вопрос про разное, но мама как-то догадывается. Она отвечает:

— Он думает, раз у человека выпали зубы, значит, так и надо. Нечего поправлять то, что сделала природа.

Или:

— Ну, он считает, что в твоём возрасте надо ложиться спать не позже десяти.

Это мама сказала после того, как Ефим не пускал ко мне Маринку. Просто встал на пороге, загородил дверь в подъезд. Никак нам было не встретиться. Хотя у меня как раз не выходила домашка по математике, Маринка бы мне помогла. И вообще, у неё как раз вернулся папка, праздновал. Его посадили на пятнадцать суток, потому что кого-то обругал в городском автобусе, чуть не подрался, удержали. Он берегов не чует, приходится расплачиваться. Так мой папка говорит. Ну, Маринке самое время было бы у меня посидеть, а может быть, и остаться на ночь. Но дед Ефим стоял несгибаемо. Я сама уже выходила в подъезд, уговаривала. Потом вышла мама, просто отодвинула его, Маринка и вошла. Ефим потом с мамой неделю не разговаривал, мама только посмеивалась, говорила:

— И хорошо, устанешь его слушать, каждый раз одно и то же, заведёт про свою Прибалтику. Или Приднестровье? Про что он рассказывает, Оль?

Прибалтику свою вспоминает всё. Но и про Приднестровье тоже говорит, как там стреляли, война была. Мне сначала было интересно, но всё одно и то же, и всё про войну. Трудно слушать. У Ефима нет зубов, и он шамкает, а руки в белых толстых шрамах, кожа как-то съёжилась. Руки летом темнущие из-за солнца, а шрамы белые. Говорит, это от войны. Говорит, никогда в жизни не ревел, только там, на войне, когда ему вытаскивали пулю из руки. Или из сердца? Не помню точно. Из руки, наверно.

Летом мы стали уходить в лес или к овощным ямам, там редко кто-нибудь ходит. Как-то сидели у ям, видим: идёт Ефим, тащит мешок за спиной. Я говорю:

— Давай следить, куда это он.

Так мы стали за ним следить, незаметно ходили за ним весь июнь почти. Летом дни длинные, а всё равно не так уж было много времени следить. По утрам ездим на прополку, автобус увозит прямо от администрации в хозяйство, на какое-нибудь поле. Или в теплицы, если дождь. Деньги только в конце лета, а городским рабочим, например, каждую неделю. Зато мы работаем не целыми днями, а по четыре часа. Дома тоже прополка или чего-нибудь другое по огороду. Жуков ещё замучаешься собирать колорадских, противные, бе. Меня мама каждое утро будила, чтобы успела нарвать травы для кур до прополки в хозяйстве. Так я и заметила, что дед Ефим всё время ходит в одном направлении. Только он вышел из дома — я убежала к себе, звоню Маринке:

— Смотри в окно, может, он на остановку пошёл?

Она перезвонила через пять минут, говорит:

— Ничего не на остановку.

Нет так нет, я побежала дальше траву рвать, сама думаю: «Куда же тогда, куда, куда?» Всё равно разведем. Так и следили.

Однажды Маринка нашла перчатку из толстой резины, жёлтой. Такие мы и хотели давно, для рогаток. Славка Маринкин говорил, что для рогаток это самая лучшая резина: хоть её и тянуть тяжело, зато пулька летит дальше. Почему-то в нашем магазине продавали совсем другие перчатки, разных цветов, но только тонкие. У нас с Маринкой давно была такая мечта: научиться стрелять из рогаток. Не знаю для чего. Мы эту резину еле привязали к рогатинам своим, так плохо тянется, потом стали думать, что использовать на пульки. Головки от одуванчиков летят еле-еле; камушками — больно, мы же не в Средневековье, чтобы камнями стрелять. А у нас дома целый мешок сухой кукурузы, мы иногда даём курам — она маленькая и твёрдая, как раз то, что нужно. Куда стрелять, мы тоже не думали. Вечером пошли в детский сад погулять, а вокруг него забор глухой. Это мода такая появилась сейчас в посёлке — заборы глухие, прямо напасть. Рядом с садиком во дворе сидят бабушки. Тётя Сима, тётя Нюра, ещё кто-то, не помню уже. У нас в карманах кукурузы полно, ну, мы и стали стрелять. Не в них, конечно, рядом. Оказалось, кукуруза тоже плохо летит. Нам неудобно было, стоим на поперечных брусках с той стороны забора, держимся на одних носках, прижимаемся к доскам. Бабуси оглядываются, а мы в это время прячем головы, чтобы они нас не разглядели. Ещё родителям расскажут или в школе. Потом стрелять надоело. Стали кричать, специально голоса меняли:

— Бабуси!

— Бабки!

— Эй!

— Ого-го!

Они оглядывались. Потом кто-то говорит:

— Маринка, что ли?

Вот вечно так. Мы вместе что-нибудь делаем, а влетает Маринке. Обидно за неё. И дома обстановка не всегда хорошая: то братья чего-нибудь ей устроят, то папка. Она такой человек хороший, а всё ей достаётся.

Мы побрели потихоньку домой. Я ей предложила пойти ко мне заночевать. Мама не будет против, папка тоже. Но она пошла домой. Как-то странно проходило лето. За Ефимом мы не последили толком, всё он от нас успевал скрыться. И эти бабки ещё. Чего мы в них стреляли вообще, кукурузу тратили?

Квас перестоял

Лето скучное снова, вот просто тоски кусок.

— Чего у тебя со спицами опять? — кричит Славка.

— Не опять, а снова. — Вдалбливаешь бесконечно этим несчастным, ничего не помогает. Опять двадцать пять! Они и с великами своими разобраться не могут.

— Дуботолка кусок! — это Славка снова. Тут я с ним почти согласна: надоел уже Сергуня со своими ремонтами велосипеда. Но и сам-то Славка не лучше. То у одного спицы полетят, то у другого вдруг «восьмёрка» нарисуетя. Так всё лето и живут. Не надо изображать из себя экстремальных гонщиков, вот что я скажу. Придумали ездить в город к трамплину, там по сосновым корням на великах скакать. Здесь будто мало им корней.

Скучное лето и холодное. Мне тепло подавай. Купальный сезон мне подавай круглый год. А тут семнадцать градусов — вот тебе средняя температура. По крайней мере, так главный по погоде объяснял по телику.

— Маринка! У нас проблемы!

Ну вот, конечно! У них там спицы повылетали, резиновый клей заплатки не приклеивает, а мне в город тащиться. Отлично придумано! И главное, как я уеду, у них тут же всё исправится, не раз замечено. Мне же Ольга рассказывала, как они тут разъезжают по всем Шиховым, горя мало. Неудобное название у нашего посёлка всё-таки: Шиховы. «Ты откуда?» — «Из Шиховых». «Я все Шиховы обошла». «В Шиховых живут шиховяне». «Шиховы всех перешиховят». Нет, какое-то шершавое название.

В город мы поехали с Ольгой. Как раз успели с прополки. Пришлось на автобусе, у нас-то великов нет. У Ольки есть, у меня нет. Это значит — надо просить у братьев. А толку? Ломают постоянно. Плеваться каждый раз хочется на них, я каждый раз сдерживаюсь. Такая вот я молодец. Целый молодец.

— Злыдни кусок, — сказала мне Ольга. Легко ей говорить, — пожила бы с такими братцами, посмотрела бы я на неё. Она снова повторяла какую-то свою присказку — то ли про ковры, то ли про белые

снежинки, новое у неё увлечение. Где только берёт? И не надоедает же. Удивительно, как человек может сто раз повторять одну и ту же шутку!

— Я иду по ковру, я иду по ковру, — повторяла она, пока я не ответила.

— Ты идёшь, пока врёшь, — я ей сказала. Хотя я слышала эту присказку уже миллион раз, всё равно мне почему-то она нравится. Точно мамка говорит, что Оляка мне какая-то родня. Так и есть.

— Мы идём по коврём, — сказала она.

Я посмотрела в окно. И Оляка посмотрела. И мы увидели серую собаку. Она сидела на обочине и чесала у себя за ухом. Сидит чешется, горя мало. Будто ни одна машина мимо не едет.

— Слушай, если бы ты была собакой, то какой породы? — спросила Оляка.

— Никакой.

Вот и город, нам выходить через три остановки. Сейчас снова буду стоять на стройке, у калитки. Мне вызовут отца. Он выйдет хмурый, спросит, где братья. Вот что ему ответить? В Шиховых, где они могут быть со сломанными великами?

Так и было.

— А Славка и Серый где? — первым делом спросил отец.

— Их Санна Ванна за горло взяла, говорит: «Там стулья расшатались, посмотрите».

Хорошо, что Оляка каждый раз меня ждёт за забором, не показывается. Она бы сейчас вытаращила глаза на пол-лица, отец бы догадался, что вру. «Я иду, пока вру», — повторила я про себя. Привяжется же какая-нибудь ерунда! Оляка, наверно, на улице повторяет свои заклинания, вот и я туда же. Так бывает, у нас мысли совпадают иногда, проверено. Надо братьям эту версию рассказать, про стулья, а то отец спросит дома.

— Квас перестоял. Забродил^[2].

— Как — забродил?

— На солнце, наверно. Передай мамке, что перестоял.

— Давай вылью! — Я хотела забрать у него бутылку.

— Сойдёт! С остатку хорошо! — Отец допивал уже его. Полтора литра четырьмя глотками — не слабо, да? — Есть ещё?

Ну, всё. Приехали. Мы три месяца каждый день привозили ему обеды, мамка самое лучшее всё готовила: котлеты крутила, картошку жарила. Суп в термос наливала, чтобы не остыл. Мамка даже специально стала короткое дни брать, чтобы успевать всё. Как только тётя Лида справлялась без неё с бесконечными бумагами? Маеты с этими обедами, конечно, по горлышко, как говорится. Ну ничего, зато отец работал, не отвлекался ни на что. Но это счастье не могло продолжаться вечно. Ничего не скажешь, начинается у нас весёлая жизнь. Каникулы. Холодное лето.

Всю обратную дорогу меня Оляка спрашивала, чего я грустная. Я терпела-терпела, а потом как скажу:

— Вам не понять, вы не любили!

Оляка так и согнулась пополам от смеха. Ничего не стоит её рассмешить, такой характер. А у меня вот кошки скребли.

— Мамка, — сказала я дома, — квас перестоял.

Мамка побледнела. Только что была весёлая: удалось заставить Сергуню и Славку окучивать картошку — на второй раз. А теперь вот я новость принесла. Всё как-то опять нарушается и летит непонятно куда. В чёрную пропасть. С зеленоватым оттенком, лето же.

Так и вышло. Отец ночевать не пришёл. На следующий день мамка сама повезла ему обед. Ей сказали: «Если до конца недели проспится, пусть приходит. Хорошо работает, жаль, если не вернётся».

Потом вывели отца — он еле стоял на ногах. Мамка его затолкала в автобус и домой привезла. Вот скучно мне было в начале лета — можно подумать, теперь повеселимся. До конца недели! Тут бы хоть до сентября продержаться. А потом в школу пойдём, меньше будем его видеть. Хорошо, что мамка его зарплату получила, всё равно он там уже не появится, это точно.

Мария Ботева – детский писатель, драматург, поэт, прозаик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2005), шор-листер премии «Дебют» (2005) и премии Андрея Белого (2013), Сборник рассказов Марии Ботевой «Мороженое в вафельных стаканчиках» и повесть «Маяк — смотри!» Мюнхенская международная детская библиотека включила в список наиболее «значительных и необыкновенных детских книг».